

Чудо: опознание, описание, отношение

Светлана И. Рыжакова

*Институт этнологии и антропологии РАН,
Россия, Москва; SRyzhakova@gmail.com*

Аннотация. Представления о чуде – важнейшая, а иногда даже главная составляющая религиозных культур: «вера» и «чудо» во многих случаях теснейшим образом связаны и даже тождественны. Необычные, удивительные события оставляют неизгладимый отпечаток в эмоциях и сознании задействованных людей и могут оказаться основой формирующихся убеждений. Вера в чудеса, равно как и чудеса, ставшие основой веры, встречается практически у всех народов мира, хотя опознаются, описываются и объясняются они по-разному. Что такое чудо, каков его механизм, и как к нему следует относиться?

Ключевые слова: чудо, чудеса, религиозные верования

Для цитирования: Рыжакова С.И. Чудо: опознание, описание, отношение // *Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии.* 2020. № 3. С. 11–39. DOI: 10.28995/2658-4158-2020-3-11-39

Miracle. Identification, description, attitude

Svetlana I. Ryzhakova

*Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Science,
Russia, Moscow; SRyzhakova@gmail.com*

Abstract. The idea of a miracle is the most important, and sometimes even the main component of religious cultures: “faith” and “miracle” in many cases are closely connected, and even identical. Unusual, amazing events leave an indelible imprint on the emotions and consciousness of the people involved and can be the basis for emerging beliefs. Belief in miracles, as well as miracles as the faith basis, is found in almost all the peoples of the world, although they are differently recognized, described and explained. What is a miracle, what is its mechanism, and how should it be treated?

Keywords: miracle, miracles, religious beliefs

For citation: Ryzhakova, S.I. (2020), “Miracle. Identification, description, attitude”, *Studia Religiosa Rossica: Russian Journal of Religion*, no. 3, pp. 11–39, DOI: 10.28995/2658-4158-2020-3-11-39

Поскольку в природе не происходит ничего, что не следует из ее законов, и поскольку ее законы охватывают все, что задумано Божественным разумом, и, наконец, поскольку природа сохраняет фиксированный и неизменный порядок, из этого ясно следует, что чудеса понятны только в отношении человеческих мнений и означают лишь события, естественная причина которых не может быть объяснена ссылкой на какое-либо обычное явление как нами, так и во всяком случае теми, кто пишет и рассказывает о чуде.

Спиноза.

Геолого-политический трактат (1670). Глава 6. О чуде.

Однажды мумию на север привезли
 От хмурых пирамид ее родной земли.
 Гласил иероглиф, что множество веков
 Покоилась она среди немых песков...
 В дни смерти мумию украсили пышной
 И колос золотой вложили в руку ей...
 И здесь, на севере, из рук ее зерно
 Весной посеяли – и выросло оно!..
 О, чудо! Вместе с ним в нас вера возросла!
 Напрасно годы шли, меняясь без числа, –
 Зерно ничтожное и жило, и живет...
 Так наш бессмертный дух, среди земных невзгод,
 Порой покинет свет, покинет жалкий прах –
 Но сам живет, живет – и будет жить в веках!..
 Да, чудо наша жизнь и вечности сильней;
 Постичь нельзя ее, но чудо, чудо в ней!..

Ганс Христиан Андерсен. Чудо. 1875 г.

Я понял одну нехитрую истину. Она в том, чтобы делать так называемые чудеса своими руками. Когда для человека главное – получать дражайший пятак, легко дать этот пятак, но, когда душа таит зерно пламенного растения – чуда, сделай ему это чудо, если ты в состоянии. Новая душа будет у него и новая у тебя. Когда начальник тюрьмы сам выпустит заключенного, когда миллиардер подарит писцу виллу, опереточную певицу и сейф, а жокей хоть раз попридержит лошадь ради другого коня, которому не везет, – тогда все поймут, как это приятно, как невыразимо чудесно. Но есть не меньшие чудеса: улыбка, веселье, прощение, и – вовремя сказанное, нужное слово. Владеть этим – значит владеть всем.

А. Грин. Алые паруса. 1923.

В феврале 2000 г. я впервые отправилась в индийский штат Керала: поезд из Тиручирапалли, города в штате Тамилнад, до Эрнаукулама, одна ночь пути. В купе набилось много пассажиров: одни ехали на небольшое расстояние, другие – до конечного пункта. Как зовут, откуда ты? – начались обыкновенные расспросы. Усталая, я не хотела заводить разговор и даже огрызнулась, но один из моих попутчиков вдруг сам представился: меня зовут К.К. Раман Намбудурипад, мол, не нервничай, обычная дорожная привычка – расспрашивать о том, о сем. Ого! Человек из высшей касты керальского общества, брахман намбудури. «А зачем ты едешь в Кералу?» – поинтересовался он. «Пообщаться с танцорами, побывать в институте искусств, “Керала Каламандалам”, и если получится, увидеть традиционную сельскую местность, я ведь этнограф», – отвечала я. «Ха-ха! Керала Каламандалам! Ха-ха!» – вдруг рассмеялся он. Я почти обиделась: что здесь было смешного? «Тесть моей дочери – бывший секретарь академии Керала Каламандалам, Олаппаманна, наш известный поэт. И кстати, у меня есть сельский дом недалеко от Триччура, а у моих братьев там неподалеку старинные двухсотлетние дома». Словно ангелы подхватили меня на крылья, и следующие две недели я провела в сельском доме моего попутчика, увидела усадьбы *мана*, побывала в Палаккаде, в гостях у Олаппаманны, который дал мне письменную рекомендацию для офиса академии Керала Каламандалам, – и, как оказалось, без нее едва ли бы меня допустили к этой святыне. Совпадение? Синхронизация? Обыкновенная дорожная история? Чудо?

Представления о чуде – важная, а иногда даже главная составляющая религиозных культур: «вера» и «чудо» во многих случаях теснейшим образом связаны и даже тождественны. Необычные события оставляют неизгладимый отпечаток в эмоциях и сознании задействованных людей и могут стать основой формирующихся убеждений. Вера в чудеса, равно как и чудеса, ставшие основой веры, встречается практически у всех народов мира, хотя опознаются, описываются и объясняются они по-разному. Альберт Эйнштейн полагал, что есть два способа прожить жизнь: или так, будто чудес не бывает, или так, будто вся жизнь – чудо.

Кто может творить чудо, и каким образом? В том, что одним представляется чудом, другие видят умелую манипуляцию. Разоблачение «чудес», творимых с умыслом, – неизбежная оборотная сторона «индустрии чудес». Как говорят скептики, не учи физику в школе, и вся твоя жизнь будет наполнена чудесами и волшебством. Фридрих Шлейермахер выразился в том духе, что всякое событие, даже самое естественное и обычное, становится чудом, как только религиозный взгляд на него становится доминирующим.

Амплитуда отношения к чудесным событиям чрезвычайно широка – от активного принятия и включения в основной конфессиональный «тезаурус» (чудеса Библии и Нового Завета, в том числе исцеления и воскрешения мертвых; чудеса католических и православных святых; чудеса, связанные с жизнью пророка Мухаммеда) до скепсиса и развенчивания или же просто равнодушия [Miracle 1999, p. 740]. Позиция доминирующей церкви по отношению к чудесному может не совпадать с представлениями, характерными для народной и/или массовой религиозности [Lang 1997, p. 50, 410–411].

Что такое чудо, каков его механизм, и как к нему следует относиться – на эти вопросы существуют разные ответы. В наибольшей мере феномен чуда описан в догматическом богословии разных религий, однако существуют и философский, феноменологический, эстетический, этнографический и даже литературоведческий подходы к нему.

С одной стороны, концептуализация чуда в разных языках и культурах имеет **ряд универсалий**. Древнегреческое, *θαῦμα*, латинское *miraculum* (мн. число – *mira, mirabilia*), французское *miracle*, итальянское *miracolo*, испанское *milagro*, английское *miracle* и *wonder*, немецкое *Wunder*, арабские *му’джиза* (от *аджз* – «нечто невозможное, удивительное, потрясающее») и *карамат* имеют отношение ко всему необычному, сверхъестественному и связаны с представлением о божественном и/или демоническом, или в целом потустороннем, которое может вмешиваться в обычный ход жизни. Эмоциональная реакция человека здесь очень важна: речь идет о любых событиях, которые поражают людей и которые оказываются для них значимыми и знаковыми. Фольклорные тексты, художественная литература, священные тексты многих религиозных традиций с избытком содержат описания чудес. Чудо часто воспринимается как божественный дар, смысл которого, однако, может быть неочевиден и даже не всегда однозначно положителен.

С другой стороны, очевидно, что в культуре разных народов и в разных слоях религиозности одного общества **разные вещи** воспринимаются как чудеса. Это связано с моделями мира, предполагающими свои версии объяснения и «локализации» странных и необъяснимых событий и явлений. Греческие слова, известные по Евангелию как эквиваленты понятию «чуда» – *semeion*, «знак», *teras*, «удивление» и *dynamis*, «сила, энергия», которые переведены в Вульгате соответственно как *signum, prodigium, virtus*¹.

¹ См.: Происхождение слов / Сост. Н.М. Шанский, Т.А. Боброва. М.: Дрофа, 2004. С. 64.

В рациональном мышлении чудес, строго говоря, не бывает: чудо – это явление, «странность» которого свидетельствует только о несовершенстве нашего знания. Это нечто, чему мы просто пока не знаем объяснения; это – хотя несколько по-разному – выражали в своих трудах святой Августин² и Барух Спиноза (в шестой главе «О чудесах» «Теологическо-Политического трактата»). Оба при этом исходят из христианской точки зрения на природу как всецело творение единого Бога: в рамках этой модели предполагать, чтобы Бог действовал против себя, что происходит то, что, по определению Юма, можно назвать «трансгрессиями», – абсурдно. Хорошо известно высказывание святого Августина: *Portentum ergo fit non contra naturam, sed contra quam est nota natura* [«Следовательно, чудо [предзнаменование] происходит не вопреки природе, а противоречит тому, что мы называем природой»]³.

Американский философ, занимающийся вопросами метафизики и религии, Вильям Валлицелла объединил их высказывания и сформулировал «эпистемную теорию чуда» (*epistemic theory of miracles*, от греческого ἐπιστήμη, *episteme*, «хорошо обоснованное знание»). Речь идет о том, что называемые «чудесными» события противоречат не законам природы, но человеческим знаниям данного времени или общепринятой картине мира.

В романтическом мировосприятии все что угодно может оказаться чудом в значении волшебства, и примером тому служит сказочная проза, труды писателей, создавших особые волшебные миры. Источником «чудесного» может стать обыденная жизнь, самые привычные предметы, которые вдруг обнаруживают свои необыкновенные свойства и способности. Эффект чуда как впечатления, рожденного из осознания двойственной природы повседневности – неотъемлемая часть творчества Эрнста Теодора Амадея Гофмана, Ганса Христиана Андерсена, Николая Васильевича Гоголя. Ощущение всей жизни как чуда прослеживается в мировоззрении моравских братьев, пиетистов, братьев гернгутерских общин, а позднее и некоторых других протестантских деноминаций.

При инструментальном же подходе чудо – это манипуляция или трюк, которые могут служить разным целям, как сугубо прагматичным (вспомним «чудо исцеления калеки» мнимым «святым», превосходно описанное датским писателем Харальдом Бергстедтом в рассказе «Фабрика святых» (1919 г.), экранизированным Яковом Протазановым в фильме «Праздник святого Йоргена» (1930 г.), так и романтическим идеалам. Сделать чудо тому,

² См.: *Collected works of St. Augustine*. London: Delphi Classics, 2016. *The City of God*. Book XXI, Ch. 8.

³ *Ibid.* P. 704.

кто только на чудо надеется, значит – по словам Александра Грина в «Алых парусах» – обновить себя и принести духовное обновление ему. Кроме того, существует огромная индустрия чудес в сфере развлечений, чему посвящена значительная литература⁴.

Определенные модели отношения к тому, что можно назвать «чудом», задают религиозные мировоззрения, догматическое богословие. При этом нужно разделить официальные позиции церквей и точки зрения, мнения, представления, которые существуют в обществе, предлагают различные интерпретации и по-разному ставят проблематику чуда. Однако рассказы о чудесах в жизни основателей крупных церквей и святых в разных религиозных традициях имеют много общего; анализу этих рассказов и самих чудесных событий посвящен сборник под редакцией Грэма Твелфтри «The Cambridge Companion to Miracles» [Twelftree 2011].

Во всех *авраамических религиях* можно говорить о «высоком» и «низком» подходах к определению понятия чуда. В первом случае чудо является откровением, служит доказательством величия единого Абсолюта, Бога, свидетельствует о присутствии божественного начала и его действию, вмешательстве в мирские дела. Во втором оно служит более утилитарным задачам, имеет практический и сиюминутный смысл, направлено на одного человека или на конкретную группу людей.

В иудаизме можно усмотреть несколько типов «высоких» чудес: первые – возможно, относящиеся к более раннему религиозному слою – прославляют только единого Бога, вторые через ангелов или пророков совершаются Богом в контексте взаимоотношений с избранным народом. В Библии встречаются слова *от* и *мофет*, что значит «знак», они маркируют события, нарушающие привычный порядок вещей и установленные законы природы, а также слово *нифлаот* (мн. ч.) – чудеса, прославляющие величие Бога, а также то, что является благом для Израиля. Другие слова на иврите, означающие «чудо», это *нес*, ставшее особенно популярным в раввинистический период, а также *ешуа* (дословно – «спасение»), чудо, за которым в хасидизме обращаются к святому, *цадику*. Как чудеса понимаются превращение дурной еды в съедобную, воскрешение из мертвых и прочие случаи, часто описывающиеся в народных легендах.

В христианстве хорошо известны чудеса, творимые Христом и описанные в Новом Завете: чудо претворения воды в вино на свадьбе в Кане Галилейской, насыщение тысяч человек несколь-

⁴ См., в частности: *Nevil M.J., Devant D. Our Magic: The Art and Theory of Magic. New York: E.P. Dutton & Co, 1911. См. также [Milbourne 1962; Mangan 2007; Coppa, Hass, Peck 2008; Jones 2011].*

кими хлебами, исцеление больных, изгнание беса из бесноватых, воскрешение умерших [Glynn 2003]. Три главных события играют принципиальную роль для вероучения и литургии – преобразование крови и плоти Христа в вино и хлеб причастия, а также чудесное зачатие и рождение, и впоследствии смерть и воскрешение самого Христа.

Католическая церковь считает чудо (лат. *miraculum*) сверхъестественным событием, имеющим божественное происхождение, которое может нарушать предполагаемый ход вещей (чаще всего это чудесные исцеления) или законов природы (так, известно о «танцующем солнце» – пышущем жаром, причудливо двигающимся по небосводу в Фатиме 13 октября 1917 г.).

Католический катехизис говорит только о чудесах, творимых Иисусом, и только их признает чудесами в полном смысле слова. Об этом мы читаем и у писателя и богослова К.С. Льюиса: «Христианство не считает, что чудеса “бывают”. Они не произвольные прорехи в природе, а этапы обдуманного наступления, цель которого – полная победа <...> Местность и достоверность каждого чуда поверяется его отношением к Чуду из чудес – воплощение и Вочеловечение Бога, иначе о нем и говорить не стоит» [Льюис 2019: 5]. Католическая церковь и поныне разделяет «чудотворное» – *miraculeux*, и «чудесное» – *merveilleux*, причем последнее считалось суеверием [Ле Гофф 2001, р. 46].

Исследованию чудес, творимых Христом, посвящена значительная литература, см., например, работы исследователя Нового Завета и раннего христианства Грэма Твелфтри [Twelftree 1999; Twelftree 2007; Twelftree 2017; Smith 1978].

Чудеса в христианстве имеют апологетическую функцию: их можно считать свидетельствами реальности божественного начала или событиями, поддерживающими доверие к предполагаемому божественному откровению. Чудеса рассматриваются как знамения, как средство укрепления веры посредством вмешательства Бога в жизнь людей, причем вмешательства, несущего – как правило, – позитивный характер.

Обширная тема – традиция приношения votivных предметов к чудотворным образам (в христианстве особенно Деве Марии), и заключения своего рода «контракта» об исполнении желания в «обмен» на дар или усердный труд просящего. Сами же предметы, приносимые в храмы, начали функционировать как «архивы чудес», укрепляя сам культ и его связь с обществом: это подробно анализирует Мэри Лейвен, см. [Laven 2016]. В эпоху Возрождения в Италии широко распространились книги, именуемые *Libro dei miracoli*, в которых описывались случаи чудесных событий, прежде всего исцеления и спасения от неминуемой гибели.

В Мексике известна практика *ретаблос* – картин, которые заказывают художникам люди, чтобы отблагодарить святых и Бога за то, что их обошла стороной беда или сумели справиться с неприятностями.

Но чтобы чудеса имели доказательную силу в отношении конкретных положений, таких как божественность Иисуса, они должны быть поддержаны рядом факторов – *фиксацией, опознанием, интерпретацией*. В целом же чудеса в христианстве рассматриваются с инструментальной точки зрения как короткий путь к вере⁵. Интересным примером тому может служить легенда о чуде, совершенном апостолом Фомой в Индии, в результате которого в христианство были обращены первые семь семей брахманов-набудури. По преданию, апостол Фома встретил их, когда те направлялись совершать омовение, и обещал омыть их такой водой, которая не потечет вниз – как это сообразно с природой воды, – а зависнет в воздухе. Он подбросил горсть воды вверх, и капли остановились перед изумленными людьми. Это и стало, якобы, одним из аргументов для их обращения в христианство.

Именно это специфическое «присвоение» представления о чуде теистическим мировидением стало основанием для точки зрения, что в архаических культурах, равно как и в мифах и в магии, в целом чудес нет; «рождение» же чуда следует связывать с развитыми религиозными культурами, где чудо выступает как инструмент укрепления веры. Мысль о том, что ни атеистам, ни дуалистам, ни «язычникам» чудо не доступно, прослеживается в большинстве ортодоксальных христианских богословских сочинений.

Ожидание чуда, восприятие всего окружающего как знака, особый настрой души – постоянная тема для различных движений *бхакти*, при том что здесь речь идет об особом понимании чуда как личной связи между адептом и богом. Это же касается и множества современных живых традиций. Чудо стало важнейшим переживанием для Мэри Пат Фишер во время ее пребывания в ашраме Баба Сант Вирса Сингх, что она подробно описывает в своей книге⁶.

С точки зрения религиозного сознания чудо демонстрирует *иерофанию* – непосредственное явление бога или божества, или косвенное доказательство его присутствия, *чудесные спасения* или *исцеления*, удивительные *превращения*.

⁵ См. подробнее: *Kelly B. Faith and Miracles*. May 30, 2013 [Online]. URL: <https://catholicism.org/faith-and-miracles.html> (дата обращения 19.08.2020).

⁶ *Pat Fisher Mary*. *Everyday Miracles in the house of God. Stories from Gobind Sadan, India*. Foreword by Karan Singh. New Delhi and Central Square, New York: Gobind Sadan, 1993.

Своеобразной вариацией иерофании могут быть «плачущие» или мироточащие иконы, случаи с «питьем» молока многими статуями Ганеши в Индии и США, что началось 21 сентября 1995 г., продолжалось, по свидетельству очевидцев, несколько дней, и в популяризации чего огромную роль сыграли средства массовой информации – CNN, BBC, газеты New York Times, Guardian; 20–21 августа 2006 г. в городе Барелли (Уттар-Прадеш) произошел «повтор», причем молоко «пили» не только статуи Ганеши, но и изображения Шивы и Дурги, а в Мумбаи раздался вопль, что морская вода стала сладкой, за чем последовал всплеск массовой истерики.

Обязательный элемент, необходимый для канонизации святого в католичестве, – наличие чудес, творимых кандидатом на святость при жизни, что зафиксировано в каноническом праве. «В Католической церкви на основании декрета папы Бенедикта XIV для беатификации подвижника требуется, чтобы после удостоверения свидетелями – очевидцами его добродетельной жизни или мученичества была доказана свидетельскими показаниями действительность по меньшей мере двух чудес; если же о его добродетели или мученичестве известно по слуху, то необходимо доказать не два, а четыре чуда; для последующей канонизации требуется засвидетельствовать еще два чуда, и непременно свидетельскими показаниями *de visu*» [Цыпин 1996, с. 483]. Так, в 2016 г. в Риме прошла канонизация святой Терезы Калькуттской – Матери Терезы; ее беатификация прошла еще в 2003 г., для чего требовалось подтвержденное одно чудо (чем стало исцеление Моники Бесры), связанное с ее жизнью, канонизация же требовала двух чудес, и вторым чудом стало исцеление бразильца, механика-инженера, страдавшего от множественных инсультов в 2008 г.

В православных церквях нет однозначно четкой формулировки по поводу чуда и чудесного; здесь в большей мере, чем в католичестве распространено представление, что «чудесное» может происходить и от дьявола; в случае с верификацией мощей, например, нужны их нетленность и благоухание. Е.В. Голубинский пишет, что Русская православная церковь признает святыми «на основании сверхъестественного свидетельства о них Самого Бога, Который тех или других между ними удостоивал дара чудотворений еще при жизни или по смерти. Не предполагая этого единственного твердого и не зависящего от человеческих пристрастий основания, мы должны были бы думать, что в признании подвижников святыми господствовал в древнее время произвол, чего думать, конечно, нельзя. Читая жития древних подвижников, причисленных к лику святых, мы почти не находим между ними таких, которые бы не обладали даром чудотворений еще при жизни; а эта общая принадлежность

дара чудотворений подвижникам, признанным Церковью святыми, и дает полное основание предполагать, что сей именно дар и был причиной их причтения к лику святых»⁷. Этнограф и религиовед Жанна Кормина отмечает различие между концептами «божественного, священного», в частности, в православии, и «чудесного»: первое часто не именуется «чудом», это откровение, знак, явление, будь то наказание или дарование благодати [Кормина 2001]. Известно и позитивное прочтение именно понятия «чуда» среди православного духовенства⁸.

Чудеса повсеместно играют решающую роль в популяризации мест паломничеств, особенно связанных с исцелениями; в католическом мире, пожалуй, лидирующая роль здесь принадлежит Лурду, см. [Harris 1999]. Явление Богородицы святой Бернадетте в 1858 г. в Лурде было запечатлено в романе Францы Верфеля «Песня Бернадетты» (“Das Lied von Bernadette”), опубликованном в 1941 г., впоследствии неоднократно экранизированном. Определенные культы святых также активно связываются с творимыми ими чудесами – для православных это прежде всего святой Николай [Петров 2015], а также и другие, относительно недавно сложившиеся культы, четко локализованные (Матрона Московская, Ксения Петербургская); для католического мира это, например, святой Антоний, «специализирующийся» на находках потерянного, и многие, многие другие.

Важна категория чуда и в исламе. Строго говоря, здесь это необычные события, творимые по воле Бога (Аллаха) через пророков; *му’джиза* – чудо, которое публично совершает Пророк в подтверждение своей миссии, такое чудеса нельзя изучить или отменить. Священная книга мусульман Коран сама воспринимается как чудо и повествует о чудесах, известных в жизни Мухаммеда.

Другие необычные события в исламской арабской культуре, которые тоже можно обозначить понятием «чуда», – *карамат* (*karāmāt*), не связаны с жизнью пророка Мухаммеда; их творили (или, с ортодоксальной точки зрения, через них творил Аллах) ученые и праведные люди, и они несли пользу людям. *Карамат* обычно проявляется в сверхъестественных способностях, умении предугадывать будущее и читать тайные мысли. Джозеф Мери в исследовании мусульманских и иудейских святых отмечает, что их жизнеописания неразрывно связаны с чудесами [Meri 2002, p. 68].

⁷ Голубинский Е.Е. История канонизации святых в Русской церкви. 2-е изд. М., 1903. С. 16.

⁸ Феофан, еп. Кронштадтский. Чудо: Христианская вера в него и ее оправдание: Опыт апологетическо-этического исследования. Пг., 1915. С. XII.

Особым статусом обладает *барака*, мн. ч. *баракат*, араб. «божественное благословение», «благодать», «достаток», наличие которой усматривают в гробницах, усыпальницах мусульманских святых – *даргахах*. Согласно Корану, исток *барака* – Аллах, *барака* передается, эманурует на пророков и на святых, охваченных божественным вдохновением – *илхам*, и не заканчивается с их физической смертью. Приобщиться к *барака* можно посредством *хаджа* и прикосновения к черному камню Каабы. Представление о *барака* лежит в основе многих практик лечебной магии, защиты от сглаза.

Наконец, существует обширная категория собственно магии – трюки, создание иллюзий, все то, что, согласно общим исламским представлениям, творится людьми при помощи *шайтанов*; см. исследование о магии в исламе [Knight 2016]. Особым образом оформлена вера в *джиннов* – «высших» демонов, которых не оценивают однозначно положительно или отрицательно, как и *перы* Ирана и Средней Азии или фей Европы (фр. *fee*, англ. *fairy*, *faerie*), см. [Briggs 1976]. Авестийское *парики* при этом несет как раз отрицательный смысл – «ведьма».

Однако значительная часть мусульман, и даже мистики, относятся к чудесам весьма осторожно или даже предосудительно [Суворова 1999, с. 23]. «Чудеса – месячные мужчин», – это знаменитое высказывание связывается с шейхом братства Чиштиий XIII в. Хамидуддином Сували Нагори. Имеется в виду, что как муж избегает близости с женой в дни ее месячных, так и Бог избегает союза с мистиком, творящим чудеса. Общественное мнение в мусульманском обществе осуждает публичное совершение чудес как узурпацию прав Пророка. *Сур (sihr)* в исламе это «волшебство», в том числе с использованием духов, джиннов и опьяняющих средств, и цель здесь – сбить с толку врагов и противников. Однако многие люди творят чудеса; чудеса творили члены некоторых суфийских братств, в частности Мадарийа, Джалалийа. В художественной же культуре большой популярностью пользуется арабский литературный жанр *аджа'иб* – «чудеса», рассказы путешественников; так, известно сочинение «Аджа'иб ал-Хинд» – «Чудеса Индии».

Множество слов, так или иначе связанных с представлениями о чуде, содержится в турецком языке, что, возможно, свидетельствует о различных историко-культурных субстратах. Так, в значении «чуда» встречаются следующие понятия. *Мюххиш* (*müthiş*) – «страшный», «ужасный», «очень сильный», «поразительный»; это слово могут употребить, когда хвалят маленького ребенка, поднявшего в саду палочку, или когда описывают борцов традиционного стиля *гюреши*. *Мюхтешем* (*muhteşem*) – «роскошный, помпезный,

пышный, великолепный, грандиозный», такое говорят о сногшибательной красоте вещей, словно тех, которыми владел султан Сулейман. *Февкаладе* (от *февк* – «высший») – «необыкновенный, исключительный, чрезвычайный, экстраординарный», употребляется при характеристике события, когда результат превосходит ожидаемый. *Харикуладе* – возглас, когда сделано что-то необычное, небывалое, исключительное, восхитительное. «Чудесное» это также *харикави* – «сверхъестественный, необыкновенный, исключительный»; старое значение слова *хаарика* – «огонь», а *харика* – «чудо, диво», а также «гений», «выдающаяся личность» и просто «молодец», когда говорят о человека, который сделал что-то хорошее.

Отдельная обширная тема, построенная на практике чуда – реального или симитированного, – *культ реликвий*, почитания телесных останков, что широко распространено во многих религиях мира, хотя нередко и осуждается духовенством. В народной, «низовой» культуре представления о чудесах практически всегда гораздо более актуальны и рельефны, чем в «высокой» культуре. Так, «народный ислам» и «низовой» индуизм оказываются ближе друг другу, чем высокие теологические построения этих же культур, где к чудесам относятся то ли с подозрением, то ли с пренебрежением.

В своеобразном виде культ почитания мощей отразился и в тибетском буддизме, особенно в его популярном изводе, хотя в буддизме в целом и отсутствует культ мертвых тел. Яркий пример чуда – «феномен Итигэлова», «самомуифицировавшееся» нетленное тело Даши Доржо Итигэлова, двенадцатого хамбо-ламы бурят. Нетленность его тела трижды фиксировалась начиная с 1955 г. до 2002 г. и до сих пор во многом представляет загадку [Жуковская 2013, с. 262–276]. Другим примером может служить важнейшая реликвия буддистов Шри Ланки – Шри Далада Малигава, Храм Зуба Будды в Канди. Как гласит предание, после сожжения мертвого тела Будды из костра достали четыре зуба, которые развезли по всему миру. Считается, что один из зубов оказался на острове Цейлон в 371 г. – его привезла дочь правителя царства Калинги. Этому зубу издавна приписывалась волшебная сила и наделение владельца властью. В начале XVIII в. специально для хранения этой святыни был возведен храм Далада Малигава.

Культ мусульманских святых в Южной Азии в основном связан с почитанием их гробниц (практика *зийарат*, посещения гробниц), столь существенным, что живой святой, творящий чудо – *карамат*, даже уступал святому мертвому [Суворова 1999, с. 23].

Интересны случаи мультипликации реликвий. Так, волосам пророка приписывают чудесное свойство размножаться. И. Гольдциер в исследовании культа святых в исламе приводит слова арабского путешественника Абдул Гани ан-Набулуси, которому во время хаджа один индийский мусульманин рассказывал, что «в индийских землях многие люди владеют волосами Пророка: некоторые имеют один-единственный волос, другие – два, а некоторые – до двадцати... он сообщил мне также, что волосы иногда сами по себе двигаются и что они сами по себе удлиняются и размножаются так, что из одного волоса возникает целое множество новых волос» [Гольдциер 1938, с. 93].

Интересна тема «индустрии чудес» – продажи амулетов и талисманов, оберегов (арабское *тавиз*, индуистские *янтры* и др.). Индустрия чудес блестяще показана в уже упомянутом советском фильме-комедии «Праздник святого Йоргена».

Религиозная параферналия может считаться вместилищем магической силы. Она предохраняет от порчи и различного злого воздействия, способствует излечению, нацелена на исполнение желаний. Волшебство и чудо неразрывно связаны между собой, это отражается и в лексике, в частности, русскому слову «чудо» родственно «кудэ́сник».

Чудеса в религиях индийского корня, в частности в буддизме, джайнизме и различных традициях, объединенных как индуистские, оказываются связанными с личностями учителей и наставников.

Хотя Будда предостерегал от привязанности к чудесам как иллюзорному, затемняющему сознание явлению (буддийское мировоззрение рассматривает чудеса как уловки, результат магических способностей, имеющих задачей завлечение адепта), однако со временем в том же буддизме, прежде всего в его народном, массовом и популярном «изводе», чудеса активно присутствуют, на это оказались нацелены культ реликвий, почитания статуй и т. п.

Часто речь идет, однако, не о сверхъестественных в принципе, а о кажущихся сверхъестественными обычным людям способностях. Это высшее знание, специфические способности и личностная трансформация – при том что личность не противопоставлена космосу, и преобразование личности является также изменяющим фактором для всего универсума.

В буддизме хорошо известны и описаны чудеса, связанные с жизнью царевича Сиддхартхи Гаутамы начиная с его чудесного рождения, сделанных им семи шагов и сказанных слов возвещения сразу после рождения и так далее; см. [Fiordalis 2008]. В литературе описаны, а в изобразительном искусстве изображены чудо недвижимой тени дерева, покрывавшей спящего младенца, чудо пряди волос, повисшей в воздухе, чудо, совершенное в Шравастии,

и многие другие чудесные исцеления, перемещения в пространстве, умножение своего тела (создание своих физических копий), умение делать тело невидимым или проходить сквозь стены, ясновидение, знание о своих прежних рождениях, умение видеть кармические долги других; эти качества и свойства понимаются как результат самодисциплины и духовной практики. Однако сам Будда, по всей видимости, не считал все это существенным для постижения Учения, Дхармы; более важным чудом он назвал «чудо наставления», саму передачу Учения. В определенной мере чудом можно считать и *упайи* – искусные средства, которые служат обращению адепта, его наставлению на истинный путь.

В индийских языках имеется целый ряд понятий, которые можно перевести на русский язык словом «чудо». В языке хинди это прежде всего – самое распространенное и употребляемое – *чаматкар* (*camatkār, camatkāra*), которому близко *чаматкрити* (*camatkṛti*) – «удивление, чудо» (см. *camakka* – «внезапное, резкое движение», *самака* – «мерцание», *самакṇā* «светиться, сиять», *самак* «вспышка»; таким образом, *самат* – производное от этого внезапного движения, значение которое развивается в удивление, + *kṛti* – «дело, работа». Кстати, есть еще и санскритское *самат* – «возглас удивления»). Эти слова восходят к санскритскому *саматкṛти* – «удивление, поражение, восхищение», «представление, спектакль, шоу», «поэтический шарм, суть поэзии», «возбуждение, востание, гневное или праздничное».

Другие понятия на языке хинди, также маркирующие чудо, – *каутук*, «событие, которое точно нельзя объяснить» и *ашчарья* – «нечто, что вызывает удивление, изумление», «нечто волшебное». Наконец, в хинди и других новоиндийских языках известно, хотя и реже встречается, персидское слово *каришма* (ср. греч. харизма, «чудесные свойства», особый дар), чаще всего по отношению к религиозным чудесам, проделкам святых. «Каришма» – это название нескольких фильмов Болливуда (1984, 1985), ТВ-шоу 2003–2004 гг., а также и сорта кофе, и многого другого.

В вернакулярных индийских языках можно обнаружить ряд понятий, в которых содержится представление о чуде, это становится понятным при анализе культурного контекста.

Совершенно другим образом к чуду имеют отношение два важнейшие концепта в индуистских и буддийских текстах и практиках – санскритские термины *риддхи* и *сиддхи*. *Риддхи* – «психические силы», «возрастание, рост, успех, удача, благополучие», понимается как одна из *абхиджня*, которая достигается путем дисциплины – *дхьяны*. Различные тексты приводят разные классификации *риддхи*: их 5, 8 или больше. Это умение мультиплицировать свой физический облик, умение становиться невидимым,

проходить сквозь твердые предметы, сквозь землю, ходить по воде, летать, дотрагиваться до солнца и луны, достигать мира Брахмы, ясновидение, умение перемещаться со скоростью мысли и сила преображения. *Сиддхи* обычно переводится как «совершенства», «достижения», «магические способности». *Риддхи* и *сиддхи* создаются с помощью особой дисциплины (*садханы*) и связаны с медитацией и йогой. Это сверхобычные возможности и состояния, которые для внешнего наблюдателя, конечно, выглядят как чудеса, однако они отнюдь не являются «сверхъестественными». Они подобны, например, особым возможностям танцоров или спортсменов, людей, практикующих особую дисциплину и овладевших специфическими навыками. В них нет в принципе ничего внезапного. «Покровителем» и «владельцем» этих свойств оказывается Ганеша: одно из его имен – Сиддхивинаяка, его супруги именуются Риддхи и Сиддхи. Другим «владельцем» *сиддхи* выступает Хануман; связываются эти качества и с другими божествами.

Наконец, сам мир, *сансара*, понимается в индуизме как одно большое чудо, которое описывается словом *майя* (санскрит *māyā*), имеющим ряд значений: иллюзия, магия, чудеса, волшебство, наваждение, колдовство; творчество, становление, проявление; искусство [Devanandam 1950; Gonda 1962; Goudriaan 2008].

Этимология этого слова не вполне установлена; связана, видимо, с корнем *mā* – «мерить, измерять». По другим, менее достоверным версиям, *māyā* происходит от *map* – «размышлять, думать», *mau* – «сбивать с толку, вводить в заблуждение», *mau* – «исчезать, теряться», *mā* – «мать». Распространено также (хотя и неверное) объяснение понятия как «то, чего нет» (*mā yā*).

В религиях индийского корня *майя* понимается как сверхобычные способности божественных и демонических существ, прежде всего дэвов и асуров. *Māyāgata* – «создание иллюзии, наведение колдовских чар»; *māyāyogavid* – «знаток магии»; *māyāyoga, yogamāyā* (см. *Бхагавад гита*, 7: 25) – «применение магии».

В ведийских текстах, а также в Авесте, *майя* – это магическая сила, мудрость, творчество, влияние, умение создавать вещи. В *Rig-vede* (см., в частности, 10.177.1-10.177.3) встречаются представления о *māyāva* – колдовских чарах, и *māyā-bheda* – умении распознавать иллюзорное начало, в связи с противостоянием сил, наделенных разумом, освященным священной энергией знания (и связанной с культом солнца как истоком творческой силы), и знатоков магии, умения создавать наводить чары асурами. С майей связана *индраджала* – магическая сила Индры, умение создавать своеобразную «сеть» и побеждать демона Вритру, а также и космическая сила и особые возможности Варуны. В *Атхарваведе* описана царственная женщина-героиня Вирадж, наделяющая всех существ

(богов, демонов и людей) знаниями и навыками; асуры называют ее Майей, она почитается как творческая сила (VIII.10.22).

Майя – фундаментальная индийская философская концепция, встречающаяся во многих источниках, начиная с комментариев ведийских текстов, связанная с восприятием бытия, времени и способа существования феноменального мира [Shastri 1911; Radhakrishnan 1914]. Это текущая, постоянно меняющаяся реальность, вечное преобразование. Все, что создается посредством майи – временное, стремится к исчезновению. Сама майя – исток времени и всех видимых объектов. Майя понимается как процесс «разворачивания» вселенной – постепенного проявления вещей и существ, связанный с явлением чуда и сходный со сном со сновидениями, *сванна* (санскр. *svapna*), с божественной игрой – *лила*, *виласа* (*līla*; *vilāsa*), с театральным представлением *натья* (*natya*). Майя порождает состояние *моха* (*moha*, *mohana*) – затуманенность разума и порождает веру в иллюзорные явления как в постоянные [Shastri 1911; Radhakrishnan 1914].

В ряде упанишад и в ранней индийской философии (в ранней веданте у Гаудапады, а также в традиции санкхья) майя ассоциируется с *пракрити* (порождающим, материальным женским началом) и противопоставляется *пуруше* или *атману* (духовному, осознающему, мужскому началу). Созданные посредством майи существа и предметы понимаются как реальные, но непостоянные, их существование имеет свой исток и конец.

Понятие майя, а также и представление об иллюзорности феноменального мира интерпретируется в философских школах по-разному и зависит от их онтологии и гносеологии. Необходимость постижения материального мира (входящего в категории *пракрити*, *прадхана*) выражена в мимансе, санкхье, вайшешике, ньяе. В йоге майя – область применения трансформирующих способностей. В веданте майя понимается в большей степени как эмпирическая реальность, во многом сходная по природе со сновидениями, субъективное восприятие мира, завеса, закрывающая истину (Брахман). Майя – то, чем «измерен», т. е. ограничен Абсолют, то, благодаря чему он становится Брахманом, наделенным качествами. В адвайте-веданте Шанкары (известной также как *māyāvāda* – доктрина иллюзии) мир не создается и не рождается, но проявляется посредством действия майи. Майя – способность Брахмана «как бы творить» мир.

Майя понимается и как необходимое условие и форма существования мира, и как тьма, невежество, грязь, удаление которых ведет к обретению истины. Однако между разными философскими школами происходил обмен идеями и понятиями, связанными с постижением майи.

В буддизме махаяны развито представление о майе (тибет. *sgyu ma*) как вселенской иллюзии, создающей видимые образы и закрывающей фундаментальную пустотность бытия (*шуньяту*). *Нимита* в мадхьямаке – понятие, близкое майе. Майя в махаяне – одна из форм гносеологических препятствий (*клеша*), ее преодоление – существенная часть духовных практик на пути к Пробуждению. Различаются аффективные и неаффективные стадии привязанности. Выделяются восемь форм майи как иллюзорности бытия: магические действия, сновидения, химеры, радуга, освещение, отражение луны в воде, мираж и град небесных музыкантов. Личность человека тоже описывается как иллюзорное единство множества точечных состояний, впечатлений, умозаключений, уверенностей.

Постижение иллюзорной природы мира и освобождение, преодоление зависимости от майи – важная составляющая духовного опыта большинства индийских религиозных практик. При этом отношение к самой майе и ее интерпретация различаются: она предстает и как препятствие, «завеса», скрывающая истину, исток страдания и невежества (*avidya*), *māyāvācana* – это ложные высказывания, хитрость, манипуляция, и как возможность, способствующая духовному развитию, исток блаженства (*ānanda*), синоним мудрости (в ряде тантр). Постижение иллюзорности бытия в буддизме – не цель, а сам путь. В тантрическом буддизме существует понятие иллюзорного тела (*māyādeha*), состоящего из духовной энергии, своего рода «дыхания» *праны*, доступного для восприятия только йогинам.

В буддизме тхеравады речь не идет о майе как иллюзорности бытия, что в свою очередь утверждается в традиции виджнянавада (йогачара) и, в частности, в практике дзогчен, сравнивающей весь воспринимаемый всеми органами чувств мир с большим сновидением. Кашмирский шиваизм объясняет способ действия и смысл майи, сравнивая ее с плевелом (*канчука*), покрывающим семя – истину (*таттва*). Так, вечный Брахман оказывается ограничен временем (*кала*), пространством (*дик*), иллюзией индивидуальности, жадой (*рага*), судьбой (*нияти*) и неполнотой человеческого познания (*виджня*). В джайнизме майя понимается как колдовство, несущее ложь, наряду с гневом (*кродха*), гордыней (*мана*), жадностью (*лобха*), и считается одной из *кашайя* – ложных страстей; наряду с ложной верой, заблуждением (*митхьяттва*) и жадой славы и мирских удовольствий (*нидана*) – это препятствие на пути правильного понимания и веры. В разных традициях бхакти майя воспринимается как форма божественной игры, которой не следует избегать или исключать, но, участвуя в ней, следует понимать ее иллюзорность. В текстах, включенных

в «Ади Грантх», говорится о теле человека как о кукле-марионетке майи и о необходимости преодоления затуманенного сознания, которое в ином случае может породить различные виды зла, прежде всего, эгоизм.

Владение майей – одно из важнейших атрибутов богов индуизма, и прежде всего Вишну, один из эпитетов которого – *tāyāpatī*, «владыка магии/иллюзии». Согласно одной интерпретации, весь переживаемый нами как реальный мир представляет собой сновидение бога Вишну, спящего на змее Шешу во вселенском океане. В пуранах (*Бхагавата пурана* и др.) содержатся истории, в которых Вишну демонстрирует свои чудесные способности. Так, когда мудрец Маркандейя попросил у Вишну наставления в сущности майи, тот появился перед ним в облике младенца, лежащего на листе баньяна и сосущего большой палец ноги. Маркандейя наклонился к нему, и тут же младенец его проглотил; находясь в животе ребенка, мудрец увидел множество миров с их богами, а также и свою собственную хижину отшельника в пространстве Вселенной. Затем младенец его изрыгнул, и Маркандейя пытался его обнять, но внезапно все видение исчезло, и он обнаружил себя сидящим в своей хижине.

Известна история мудреца Нарады, просившего Вишну пояснить ему природу майи. Тот отправил его за водой к ближнему пруду. По дороге с Нарадой случилось много чудес: он встретил прекрасную девушку, влюбился в нее и женился, у них родились дети, затем – внуки и правнуки. Потом настал черед несчастий: их дом сгорел, дети погибли, и наконец, оставшийся единственный праправнук Нарады упал в пруд и стал тонуть. Мудрец кинулся его спасать, опустил руки в воду и вдруг осознал, что это он окунул кувшин в пруд, чтобы достать воды по просьбе бога Вишну, которого он, обернувшись, увидел стоящим за своей спиной.

Известен сюжет о том, как бог Вишну с помощью своих чар принял облик прекрасной девушки (*мохини*), соблазнившей асуров, что позволило отнять у них сосуд с *амритой* – нектаром бессмертия. Превращение Вишну в мохини встречается и в истории происхождения бога Айяппы.

Майя – одно из имен богини, и прежде всего связано с Лакшми, богиней процветания, удачи, счастья и супругой Вишну. Майей владеет и Кришна, которого называют *tāyon* – «властитель майи»; майя – одна из тем его проповеди в Бхагавад-гите. О майе говорится в связи с образом богини Дурги, созданной богами для победы над демоном Махисасурой. Майя в древних и современных индийских языках – одно из женских имен (означает «сводящая с ума, завораживающая»), в частности, это имя матери царевича Сидхартхи Гаутамы.

В дравидийских языках для обозначения чуда в основном используются слова санскритского происхождения. Так, санскритское *атбхута* (atbhuta) вошло во все основные дравидийские языки, сохранив свое исходное значение «чудо»: *arputam* (тамилский), *atbhutaṁ* (малаялам), *adbhuta* (каннада), *adbhutaṁ* (телугу). В тамилском и малаялам у этого слова есть еще один распространенный синоним – тамилское *атицаям* (aticayaṁ), малаялам *atiśayaṁ*, восходящий к санскритскому существительному *atiśaya* («превосходство, избыток, гипербола»), которое не имело значения «чудо» в санскрите и приобрело его именно в дравидийских языках. Еще один санскритизм – тамилское *āścariyaṁ*, каннада *āścarya* (< санскрит *āścarya*), тулу *ачари* (acari), может обозначать как удивление, так и предмет, эту эмоцию вызывающий, и в этом значении переводится как «чудо». В каннада есть еще один синоним неясного (но возможно дравидийского) происхождения *павадда* (pavāḍa) со значением «чудо, сверхъестественные события или способности человека». В языке тулу «чудо» обозначается также словом *чодия* (codiya). В старотамилском дравидийский корень *ai* выражал ряд значений, связанных с чудесным и красотой, и активно использовался в словообразовании: *aitu* – «чудо», «нечто чудесное», *aiya* – «чудесный» и т. п., однако в современном языке эти слова вышли из употребления.

Как уже видно, близко к понятию «чуда» находятся понятия, связанные с магией и колдовством. Во многие индийские языки вошло слово *джаду* (jadu) – «чудеса», «магия», «колдовство», «волшебство» [Keel 1958], слово персидского происхождения, известное также, например, и в грузинском языке. *Джадувалла* (jaduwallah) – «маги, чародеи», так обозначали и профессиональных фокусников, жонглеров, глотателей огня и разнообразных уличных актеров. Индустрии профессиональной магии в Индии посвящен ряд замечательных работ [Lee 2000; Lamont 2004; Goto-Jones 2016, Zubrzycki 2018]; исследовалась и магия как область художественной и коммерческой развлекательной деятельности в западном мире [Nevil 1911].

В дравидийских языках чудеса в смысле «магия», как и «высокие» чудеса, по большей части имеют санскритское происхождение. Так, например, чудо как результат колдовства в тамилском тесно связано с понятиями *māyai* (иллюзия < санскрит *māyā*), *mantram* (мантра < санскрит *mantra*), *cūṇiyam* (пустота < санскрит *śūnya*), *intiracālam* («сеть Индры» < санскрит *indrajaḷa*). В то же время чудеса божественного происхождения понимаются как божественная игра (тамилское *tiruvilaiyāḷal*), а сверхъестественные способности, обретенные с помощью йогической практики, обозначаются как *читти* (citti, < санскрит *siddhi*).

Многозначность чуда отражена, в частности, в широком семантическом поле русской лексики «чудо» и производных от него слов⁹: нечто «чудное» означает «удивительное, прекрасное», «чудно́е» же – «странное»; «чудесник» – «волшебник, маг», «чудище» же – «страшное существо». «Чудесить» – значит «мудрить», «хитрить» или «дурить», но также «чудесить» или «чудить» – делать странные вещи на грани с сумасшествием, странно себя вести, сумасбродствовать; «чудиться» – удивляться чему-то странному, например, дереву необычной формы, камню, а также «интересоваться, любопытствовать».

* * *

Настоящий выпуск журнала посвящен феномену чуда в культурах и религиях разных народов мира. В российской философской и культурологической литературе эта тема довольно редко исследовалась самостоятельно; см. работы [Сошинский 2001; Фрумкин 2003; Щавелев 2015], а также сборник статей [Концепт чуда 2001]. Из-за обилия материала мы разделили нашу подборку на две части, продолжение темы последует в первом номере журнала за 2021 год. Эта тема замышлялась нашей командой исследователей этнографии, фольклора, истории религий, языков, художественной культуры. Мы обсуждали терминологию и этнографию «чудесного», сравнивали, наблюдали. Слова признательности я должна адресовать всем авторам, а также нашим дорогим друзьям и коллегам Лайме Кота, Наталье Раденской, Аните Шикловой и Элизабете Тайване: в беседах родилась и оформилась идея исследовать феномен чуда с различных сторон. В фокусе нашего внимания были два подхода к чуду. Во-первых, к чуду как поразительному событию, которое вмешивается в ход жизни, меняет обычный или ожидаемый порядок вещей и которое ведет к трансформации, преображению, серьезным переменам. Во-вторых, к чуду как институту, где событие превращается в традицию, окруженную совокупностью действий и представлений.

Определить чудо можно по-разному. Начнем с представления о чуде как об *эмоциональном состоянии*. Чудо – это прежде всего *чувство*, такое же как чувства страха, гнева, любви, нежности, отвращения и так далее. Чудо – это реакция на некоторое событие, на впечатление, которая выражается в удивлении. Эмоциональность закреплена в семантике лексики *miracle* и всех его романских аналогов: *miracle* – «удивительные дела Господа», старофранцузские *miracle* (XI в.) – «чудо, история о чудесах, представление чудесных

⁹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 4. СПб.: Азбука, 1996. С. 377–378.

историй», от латинского *miraculum* «объект удивления», и *mirari*, «удивляться, поражаться, потрясаться». Связь чуда и удивления отражена в русском фразеологизме о «чуде чудном, диве дивном», как и немецком *Zeichen und Wunder!* – «чудеса, да и только!» Страна чудес, *Wunderland* – это буквально «страна удивительно-го». О чуде в феноменологии религии как об эмоции особого рода (*mirus* – «wonderful, astonishing, amazing») упоминает У. Джеймс в работе «Многообразии религиозного опыта» [Джеймс 1993].

Чудом может быть опыт **переживания** определенного состояния, которое не мотивировано какими-то событиями. Вот рассказ-признание, как это происходило с одной моей приятельницей, танцовщицей Натальей Раденской: «Наверное, можно говорить о чуде разной “плотности”: чем “плотнее” – тем оно буквальные. Вот, человек не поверит тебе, если только ты не покажешь ему чудо. Бывает чудо “легче”, “тоньше”, тогда это – аллегория или состояние. Чудо я ощутила однажды, когда я жила в Индии: три дня подряд я просыпалась счастливой. Просто счастье вспыхнуло! Это не игра слов, а непередаваемое чувство счастья. Меня никто не понимал: тому не было никакой причины. Я просто попала словно бы в какой-то портал счастья. Я наслаждалась! Счастье растеклось по всему телу, по клеточкам. Три дня подряд я просыпалась, и душе моей было так радостно! Мне не надо было даже и здороваться с людьми: я шла и светилась, такой сплав света был во мне. Происходило много встреч, я танцевала с удовольствием. Была вся в вопросах – почему, что это? А можно ли сделать так, чтобы это осталось на всю жизнь? И на следующий день оно продолжалось! Люди думали, что у меня просто хорошее настроение, но нет, это было не просто настроение, что-то другое. Но на четвертый день я проснулась обычной девочкой: состояние ушло. Потом оно иногда вновь возникало, но ненадолго»¹⁰.

Чудо тесно связано с *восприятием*. Чувству чуда может предшествовать предчувствие чуда, которое сменяется «вкушением чуда», «переживанием чуда», «восприятием, осмыслением чуда», что сродни изумлению, восхищению – нем. *Verwunderung, Erstaunen, Bewunderung*. Русское слово «чудо» (мн. число «чудеса») связано, видимо, с ощущениями – «чую, чують». Чудо основывается на информации, приходящей от органов чувств – это запахи, звуки, образы, тактильные ощущения, вкусы. Об этой связи пишет и писатель и теолог, автор сочинения под названием «Чудо» Клайв Стейплз Льюис: «Все то вокруг нас, что называется чудом, воспринимают органы наших чувств – мы видим, слышим, ощущаем, обоняем, чувствуем на вкус, а чувства эти могут ошибаться» [Льюис 2019, с. 5].

¹⁰ Полевые материалы автора. Интервью FM, NR_02 PF 01.03.2020.

Может ли чудо лежать «по ту сторону» чувственного опыта? Я слышала признания, что для некоторых только «небытие» представляется «настоящим» чудом: нечто немыслимое, метафизическое. Возможно, что и в этом случае речь идет о чуде как об исполнении желания, просто желания этого человека лежат в области трансцендентного. Может ли чудо быть умозрительным, или перед нами – надежда на обретение совершенно нового опыта?

Поскольку чудо проявляет себя в вещах и явлениях, то можно говорить и о *чудесных предметах, произведениях, достижениях, вещах и существах*, в том числе и людях. Чудо должно быть явным, возможно зримым и материальным: нечто небывалое, непонятное, вызывающее сильное чувство, от ужаса до восторга. Чудо – это что-то на грани, прорыв в невозможное, неординарность; так, говорят о «чудо-ребенке» (вундеркинде), чудесах света, чудесах техники и т. п. Однако А. Лосев переносит наше внимание на иное обстоятельство, на событийность чуда: «Чудо обладает в основе своей <...> характером извещения, проявления, возвещения, свидетельства, удивительного знамения, манифестации, как бы пророчества, раскрытия, а не бытия самих фактов, не наступления самих событий. Это – модификация смысла фактов и событий, а не самые факты и события [Лосев 2001, с. 187].

Чудо это не столько существо или вещь, сколько необычайное **событие**, происшествие, кратковременное, даже мгновенное событие, передающее своего рода импульс, «квант» информации. Различные удивительные события, связанные со святой, например, иконой Богородицы в Аглоне, живут в памяти местных жителей как чудеса, см. [Рыжакова 2010]. То, что постфактум называют «чудом», не длится долго: после того как нечто произошло, оно начинает трансформироваться во что-то иное, и это может быть радость, удовлетворение, или страх. Явление Кришны Арджуне на поле боя в поразительном облике рождает страх.

В самом простом, приземленном варианте чудо понимается как *исполнение желания*; чудо можно определить, по словам одной моей знакомой, как *satisfaction beyond expectations* («удовлетворение, превосходящее ожидание»). Чаще всего речь идет об излечении, благоприятном исходе дела. Это может быть противопоставлено чуду, лежащему в области высокой духовности, мистицизма и искусства, – чудо как прозрение, озарение и т. п. Отсутствие корысти, выгоды – вот главное отличие «собственно чуда» в отличие от магии и фокуса. Однако изредка встречается и негативная коннотация в отношении «удивительного» и «чудесного», часто в форме сарказма. В словаре братьев Гриммов в немецком *Wunder* есть и негативное значение – катастрофы, войны, что-то неслыханное, ужасное (*Wunder treiben/machen*), как *Zorn, Wut* – гнев,

ярость (XVII–XIX вв.). В современном немецком языке существует идиома: *blau Wunder* («синий» в значении «обман», «разочарование», «неприятность») – «неприятный сюрприз»; *blaues Wunder* – «хлебнуть горя».

Чудо может выражаться в *проявлении* чего-либо или кого-либо, присутствии кого-то, в знаке «свыше» – что показывает материал ряда статей нашего журнала. Чудо воспринимается как гарантия божественного появления, его участия в делах мира, вмешательства высшего начала в человеческую жизнь. Божество или дух нисходит, запланированно или спонтанно, на человека, в том числе профессионально подготовленного к этому, – медиума, артиста, хотя и не только, результатом чего может быть не только обряд или представление, но и болезнь, и странное, необычное поведение, или же получение человеком некоторого дара.

Важный аспект чуда – его *незапланированность*, внезапность, спонтанность. Медиум при всей его связи с потусторонним миром не совершает чудес, он следует определенному сценарию. В тех случаях, когда рассказывается о божестве, которое сошло и проявило себя, – речь не идет о чуде, это особая действительность, но нормальная и ожидаемая. Удивление вызывает внезапное проявление, что может выражаться в совпадении, синхронизации событий или процессов. Чудо близко таким явлениям, как магия, иллюзия, фокусы, обман или самообман.

Чудо выступает как *факт художественной жизни*: особенное внимание нужно обратить внимание на средневековые «миракли» (среднеанглийский *miracle*, начала XV в.) – драматические разыгрываемые представления из жизни Христа, святых или на другие священные темы. Чудо – это двигатель сюжета, сценарный ход.

Чудеса можно рассматривать как *литературный прием*. Важнейшие жанры в литературе о чудесах – это рождественские рассказы и жития. Рассказы о чудесах занимают значимое место в культуре многих народов мира. Они располагаются между художественным творчеством (волшебная сказка – распространенный жанр фольклора и литературы) и повествованием о жизни и почти всегда свидетельствуют о прорыве действительности, о соприкосновении человека с иным (священным, демоническим и т. п.).

Взаимосвязь реального случая, воспринимаемого как чудо, и рассказа о нем очень непростая. Иррациональность чуда «подтягивает» к себе все прочие составляющие (задействованных людей и обстоятельства); само событие, описываемое как чудо, влияет на структуру рассказа о нем. Повествование часто делится на три части: главная, кульминационная часть, чудесное событие, обрамляется описанием ситуации до и после него. Чудо – трансформация, принципиальные перемены, происходящие с людьми и миром,

в котором они живут, – составляет основу всего рассказа, выступает движущей силой, организующей структуру повествования и дающей пищу для размышления и рассказчику, и слушателю. Так, в рассказах о достойных людях, особенно об индийских бхактах, или о будущих религиозных лидерах говорится о чудесах, происходящих с ними с детства. Так, о почитаемом Баба Бхуман Шахе народа камбодж в индийском штате Харьяна рассказывают, как его коровы, когда он был подростком, затоптали соседское поле, а когда его пришли наказывать, он пошел с ними на поле, и оно снова было зеленое. Как это бывает со многими святыми в Индии, змеи приползали на его молитвенные собрания (*самсанги*) и нико-го не кусали.

Другое, более широкое значение чуда относится к *эстетике* в целом. Во многих языках и культурах понятие «чуда» связывается со сферой искусства. Чудо – это нечто поразительное, выдающееся, удивляющее своей необычностью, это мастерство, умение, красота, блестящее владение ремеслом, глубокое проникновение в тайны искусства. В Индии особенно часто это относят к сфере музыки. Хотя в значительной мере это достигают посредством усердных занятий, все же решающую роль здесь играет *аширвад* – благословение свыше, приходящее часто через учителя, наставника, подчас вне зависимости от таланта и прилежания артиста.

Итак, хотя чудом иногда могут обозначить особые достижения, обретаемые в результате дисциплины, чудо, прежде всего – *фактор свободы*, то, что противостоит детерминизму. Чудо – это случайность; так, в переносном смысле говорят о «чудесах» дружбы, любви, встречи, внезапной перемены. Поэтому чудо можно воспринимать как своего рода дар – свыше, и нередко случайно. Однако вне зависимости от того, какова природа чуда и какой аспект играет главную роль, чудо не теряет своей связи с **тайной**: даже проясненное, разоблаченное, рационализированное, оно всегда сохраняет флер загадочности: до конца не исчезает та завеса, которая делает событие или явление чудом.

Благодарности

Публикация подготовлена в рамках плана научно-исследовательской работы С. И. Рыжаковой в Институте этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. Полевые исследования проведены в 2018–2020 гг. в рамках проекта С.И. Рыжаковой, РФФИ № 18–09–00389 «Одержимость, служение, лицедейство: о границах и взаимосвязи индивидуального трансa, религиозного почитания и художественного начала в индийских артистических традициях»

Acknowledgements

The publication is prepared within the plan of research work of S.I. Ryzhakova at N.N. Miklukho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of RAS. Field researches were carried out in 2018–2020 under S.I. Ryzhakova's project, The Russian Foundation for Basic Research no. 18–09–00389 "Obsession, service, acting: about the borders and interrelation of an individual trance, religious worship and artistic principles in the Indian artistic traditions".

Литература

- Гольдциер 1938 – *Гольдциер И.* Культ святых в исламе. М.: ГАИЗ [Государственное антирелигиозное издательство], 1938. 180 с.
- Джеймс 1993 – *Джеймс У.* Многообразие религиозного опыта. М.: Наука, 1993. 432 с.
- Жуковская 2013 – *Жуковская Н.Л.* «Феномен Итигелова»: версии религиозные, научные, антинаучные и другие // Жуковская Н.Л. О буддизме и буддистах: Статьи разных лет: 1969–2011. М.: Ориенталия, 2013. С. 262–276.
- Концепт чуда 2001 – Концепт чуда в славянской и еврейской традиции. Сборник статей. М.: Сэфер, 2001. 366 с. (Академическая серия, вып. 7)
- Кормина 2001 – *Кормина Ж.* Чудо в народной традиции: концепт и риторика // Концепт чуда в славянской и еврейской традиции: Сборник статей. М.: Сэфер, 2001. С. 116–129. (Академическая серия, вып. 7)
- Ле Гофф 2001 – *Ле Гофф Ж.* Средневековый мир воображаемого. М.: ОАО Издательская группа «Прогресс», 2001. 440 с.
- Лосев 2001 – *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. 558 с. (Философское наследие, т. 130)
- Льюис 2019 – *Льюис К.С.* Чудо. М.: Изд-во АСТ, 2019. 523 с.
- Петров 2015 – *Петров Н.И.* Почитание св. Николая Чудотворца на Руси в контексте борисоглебского культа // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях / Под ред. К.А. Костромина. Вып. 3. СПб., 2015. С. 111–132.
- Рыжакова 2010 – *Рыжакова С.И.* Аглонские чудеса [Online]. Антропологический форум. № 13. 2010. С. 125–146. URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/013online/13_online_ryzhakova.pdf (дата обращения 28.05.2020).
- Сошинский 2001 – *Сошинский С.А.* Чудо в системе мироздания // Вопросы филологии. 2001. № 9. С. 82–97.
- Суворова 1999 – *Суворова А.А.* Мусульманские святые Южной Азии XI–XV вв. М.: Ин-т востоковедения РАН, 1999. 280 с.
- Фрумкин 2003 – *Фрумкин К.Г.* Теории чуда в эпоху науки // Эпистемология & философия науки. Т. 5. 2003. № 3. С. 153–172.
- Цыпин 2013 – *Цыпин В.* Курс церковного права. М.: Изд-во МФТИ, 1996. 426 с.
- Щавелев 2015 – *Щавелев С.П.* «Чудо» в пределах и за пределами разума // Наука, искусство, культура. Вып. 1 (5). 2015. С. 82–92.

- Briggs 1976 – *Briggs K.M.* An Encyclopedia of Fairies. N.Y.: Pantheon Books, 1976. 514 p.
- Coppa, Hass, Peck 2008 – *Coppa F., Hass L., Peck J.* Performing Magic on the Western Stage: From the Eighteenth Century to the Present. New York: Palgrave Macmillan, 2008. 256 p.
- Devanandam 1950 – *Devanandam P.D.* The Concept of Maya. L.: Lutterworth Press, 1950. 298 p.
- Doniger O'Flaherty 1986 – *Doniger O'Flaherty W.* Dreams, Illusion, and Other Realities. Chicago: University of Chicago Press, 1986. 382 p.
- Fiordalis 2008 – *Fiordalis D.* Miracles and Superhuman Powers in South Asian Buddhist Literature. Michigan, US: University of Michigan, 2008. 244 p.
- Glynn 2003 – *Glynn P.* Healing Fire of Christ: Reflections on Modern Miracles. [San Francisco]: Ignatius Press, 2003. 260 p.
- Gonda 1962 – *Gonda J.* Some Notes on the Study of Ancient-Indian Religious Terminology // History of Religions. Vol. 1. No. 2. Winter, 1962. P. 243–273.
- Goto-Jones 2016 – *Goto-Jones Ch.* Conjuring Asia: Magic, Orientalism and the Making of the Modern World. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 336 p.
- Goudriaan 2008 – *Goudriaan T.* Maya: Divine And Human. New Delhi: Motilal Banarsidass, 2008. 260 p.
- Harris 1999 – *Harris R.* Lourdes: body and spirit in the secular age. London: Allen Lane, The Penguin Press, 1999. 473 p.
- Jones 2011 – *Jones G.* Trade of the Tricks, Inside the Magician's Craft. Berkeley: University of California Press, 2011. 289 p.
- Keel 1958 – *Keel J.* Jadoo. L.: W.H. Allen, 1958. 237 p.
- Knight 2016 – *Knight M.M.* Magic in Islam. New York: Tarcher Perigee, 2016. 256 p.
- Lamont 2004 – *Lamont P.* The Rise of the Indian Rope Trick: The Biography of a Legend. London: Little, Brown, 2004. 264 p.
- Lang 1997 – *Lang B.* Sacred Games: A History of Christian Worship. New Haven; London: Yale University Press, 1997. 542 p.
- Laven 2016 – *Laven M.* Recording Miracles in Renaissance Italy // Past & Present. 2016. Vol. 230 (suppl 11). P. 191–212.
- Lee 2000 – *Lee S.* Net of Magic: Wonders and Deceptions in India. New Delhi: Harper Collins, 2000. 455 p.
- Mangan 2007 – *Mangan M.* Performing Dark Arts: A Cultural History of Conjuring. Bristol: Intellect, 2007. 282 p.
- Meri 2002 – *Meri J.W.* The Cult of Saints among Muslims and Jews in Medieval Syria. Oxford: Oxford University Press, 2002. 342 p.
- Milbourne 1962 – *Milbourne Ch.* Panorama of Magic. New Your: Dover Press, 1962. 216 p.
- Miracle 1999 – Miracle // Merriam-Wester's Encyclopedia of World Religions / Consulting ed. W. Doniger. Springfield, Massachusetts: Merriam-Websters Incorporated, 1999. P. 740.
- Nevil 1911 – *Nevil M.J., Devant D.* Our Magic: The Art and Theory of Magic. N.Y.: E.P. Dutton & Co, 1911. 507 p.
- Radhakrishnan 1914 – *Radhakrishnan S.* The Vedanta Philosophy and the Doctrine of Maya // International Journal of Ethics. Vol. 24. No. 4 (July, 1914). P. 431–451.
- Shastri 1911 – *Shastri P.B.* The Doctrine of Maya in the Philosophy of the Vedanta. L.: Luzac and Co., 1911. 137 p.

- Smith 1978 – *Smith M.* Jesus the Magician. San Francisco etc.: Harper and Row Publishers, 1978. 222 p.
- Twelftree 1999 – *Twelftree G.H.* Jesus the Miracle Worker: A Historical and Theological Study. Westmont, Illinois: InterVarsity Press, 1999. 470 p.
- Twelftree 2007 – *Twelftree G.H.* In the Name of Jesus: Exorcism among Early Christians. Grand Rapids, MI: Baker Academic, 2007. 351 p.
- Twelftree 2011 – The Cambridge Companion to Miracles / Ed. by G.H. Twelftree. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 347 p.

References

- Briggs, K.M. (1976), *An Encyclopedia of Fairies*. New York, Pantheon Books.
- Coppa, F., Hass, L. and Peck, J. (2008), *Performing Magic on the Western Stage: From the Eighteenth Century to the Present*, Palgrave Macmillan, New York, USA.
- Devanandam, P.D. (1950), *The Concept of Maya*, Lutterworth Press, London, UK.
- Doniger O'Flaherty, W. (1986), *Dreams, Illusion, and Other Realities*. Chicago: University of Chicago Press.
- James, W. (1993), *Mnogoobraziya religioznogo opyta* [Varieties of religious experience], Nauka, Moscow, Russia.
- Fiordalis, D. (2008), “Miracles and Superhuman Powers in South Asian Buddhist Literature”, Thesis, University of Michigan.
- Frumkin, K.G. (2003), “Miracle Theories in the Age of Science”, *Epistemologiya & filosofiya nauki*, vol. V, no. 3, pp. 153–172.
- Glynn, P. (2003), *Healing Fire of Christ: Reflections on Modern Miracles*, Ignatius Press, [San Francisco], USA.
- Goldzier, I. (1938), *Kul't svyatykh v islame* [The cult of saints in Islam], GAIZ [Gosudarstvennoe antireligioznoe izdatel'stvo], Moscow, Russia.
- Gonda, J. (1962), “Some Notes on the Study of Ancient-Indian Religious Terminology”, *History of Religions*, vol. 1, no. 2, pp. 243–273.
- Goto-Jones, Ch. (2016), *Conjuring Asia: Magic, Orientalism and the Making of the Modern World*, Cambridge: Cambridge University Press, USA.
- Goudriaan, T. (2008), *Maya: Divine And Human*, Motilal Banarsidass, New Delhi.
- Harris, R. (1999), *Lourdes: body and spirit in the secular age*, Allen Lane, The Penguin Press, London, UK.
- Jones, G. (2011), *Trade of the Tricks, Inside the Magician's Craft*, University of California Press, Berkeley, USA.
- Keel, J. (1958), *Jadoo*, W.H. Allen, London, UK.
- Knight, M.M. (2016), *Magic in Islam*, Tarcher Perigee, New York, USA.
- Kontsept chuda v slavyanskoy i yevreyskoy traditsii. Sbornik statey* (2001) [The concept of miracle in Slavic and Jewish cultural traditions. Collection of articles], Sefer, Moscow, Russia. (Academic Series, issue 7)
- Kormina, J. (2001), “Miracle in the folk tradition: concept and rhetoric” in *Kontsept chuda v slavyanskoy i yevreyskoy traditsii. Sbornik statey* [The concept of miracle in Slavic and Jewish cultural traditions. Collection of articles], Sefer, Moscow, Russia, pp. 116–129. (Academic Series, issue 7)

- Lamont P. (2004), *The Rise of the Indian Rope Trick: The Biography of a Legend*, Little, Brown, London, UK.
- Lang, B. (1997), *Sacred Games: A History of Christian Worship*, Yale University Press, New Haven, USA, London, UK.
- Laven, M. (2016), Recording Miracles in Renaissance Italy, in *Past & Present*, vol. 230 (suppl 11), pp. 191–212.
- Le Goff, J. (2011), *Srednevekovi mir voobrazhayemogo* [The medieval world of the imaginary], OAO Izdatel'skaya gruppa "Progress", Moscow, Russia.
- Lee, S. (2000), *Net of Magic: Wonders and Deceptions in India*, Harper Collins, New Delhi.
- Losev, A.F. (2001), *Dialektika mifa* [The dialectic of myth], Mysl', Moscow, Russia. (Filosofskoye naslediyе , vol. 130)
- Lewis, C.S. (2019), *Chudo* [Miracle]. M.: Izdatel'stvo AST, Moscow, Russia.
- Mangan, M. (2007), *Performing Dark Arts: A Cultural History of Conjuring*, Intellect, Bristol, UK.
- Meri, J.W. (2002), *The Cult of Saints among Muslims and Jews in Medieval Syria*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Milbourne, Ch. (1962), *Panorama of Magic*, Dover Press, New York, USA.
- "Miracle, in Doniger, W. (ed.) (1999), *Merriam-Wester's Encyclopedia of World Religions*, Merriam-Websters Incorporated, Springfield, Massachusetts, p. 740.
- Nevil, M.J. and Devant, D. (1911), *Our Magic: The Art and Theory of Magic*, E.P. Dutton & Co, New York, USA.
- Petrov, N.I. (2015), "Veneration of sv. Nicholas the Wonderworker in Russia in the context of the Borisoglebsky cult" in Kostromin, K.A. (ed.), *Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh* [Ancient Russia: in time, in personalities, in ideas], issue 3, Sankt-Peterburg, Russia, pp. 111–132.
- Radhakrishnan, S. (2014), "The Vedanta Philosophy and the Doctrine of Maya", *International Journal of Ethics*, vol. 24, no. 4 (Jul.), pp. 431–451.
- Ryzhakova, S.I. (2010), "Aglona Miracles" [Online], *Antropologicheskii forum*, no. 13, pp. 125–146, available at: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/013online/13_online_ryzhakova.pdf (Accessed 28 May 2020).
- Shastri, P.B. (1911), *The Doctrine of Maya in the Philosophy of the Vedanta*, Luzac and Co., London, UK.
- Shchhavelev, S.P. (2015), " 'Miracle' within and beyond the mind", *Nauka, iskusstvo, kul'tura*, vol. 5, no. 1, pp. 82–92.
- Smith, M. (1978), *Jesus the Magician*. Harper and Row Publishers, San Francisco etc., USA.
- Soshinskii, S.A. (2001), "Miracle in the system of the universe", *Voprosy filosofii*, no. 9, pp. 82–97.
- Suvorova, A.A. (1999), *Musul'manskiye svyatyye Yuzhnoy Azii XI–XV vv.* [Muslim saints of South Asia in 11th – 15th centuries], Institut vostokovedeniya RAN, Moscow, Russia.
- Twelftree, G.H. (ed.) (2011), *The Cambridge Companion to Miracles*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Twelftree, G.H. (ed.) (2017), *The Nature Miracles of Jesus: Problems, Perspectives, and Prospects*, Wipf and Stock Publishers, Eugene.

- Tsypin, V. (1996), *Kurs tserkovnogo prava* [The course of church law], Izdatel'stvo MFTI, Moscow, Russia.
- Twelftree, G.H. (1999), *Jesus the Miracle Worker: A Historical and Theological Study*. InterVarsity Press, Westmont, Illinois, USA.
- Twelftree, G.H. (2007), *In the Name of Jesus: Exorcism among Early Christians*. Baker Academic, Grand Rapids, MI.
- Zhukovskaya, N.L. (2013), “The Itigelov Phenomenon’. Versions religious, scientific, anti-scientific and others”, in Zhukovskaya, N.L. *O buddizme i buddistakh. Stat'i raznykh let. 1969–2011* [About Buddhism and Buddhists. Articles of different years. 1969–2011], Orientalia, Moscow, Russia, pp. 262–276.
- Zubrzycki, J. *Jadooowallahs, Jugglers and Jinns. A Magical History of India*, Picador India, New Delhi, India.

Информация об авторе

Светлана И. Рыжакова, доктор исторических наук, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия; 199991, Россия, Москва, Ленинский пр., д. 32А; SRYzhakova@gmail.com

Information about the author

Svetlana I. Ryzhakova, Dr. of Sci. (History), Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 199991, bld. 32A. Leninsky Av., Moscow, Russia; SRYzhakova@gmail.com.